

«Санкт-Петербург. 300 лет истории»*

С. Н. Полторак

К 300-летию Санкт-Петербурга из печати вышло немало достойных научных изданий об этом городе. Для многих людей это, возможно, самый главный итог юбилейного года.

Среди замечательных книг, к которым тянутся душа и разум, я бы выделил ту, что, на мой взгляд, стала лучшей. Это по-настоящему академическое издание. Его редакторами стали одни из самых известных петербургских историков — Р. Ш. Ганелин, В. М. Ковальчук, В. Н. Плешков, В. А. Шишкин.

Монография состоит из трех частей. В каждой добротнo и основательно освещаются события столетия: город в XVIII веке, в XIX и, наконец, в минувшем, который едва успел стать историей.

Структура книги проста, разумна и соответствует интересам как научного исследования, так и любого читателя. В первой и второй частях по шесть глав, в третьей — 10, что тоже во многом обоснованно, хотя, вероятно, наступит время, когда и об истории XX века ученые будут говорить если не через запятую, то уж по крайней мере не так подробно, как хочется и как «умеется» нам.

Объем книги немного превышает 100 печатных листов, и поэтому авторский коллектив из 11 человек справедливо кажется вовсе не большим. Авторы глав книги — признанные ученые. Это Е. В. Анисимов, Е. М. Балашов, А. З. Ваксер, Р. Ш. Ганелин, А. Р. Дзенiskeвич, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, В. А. Нардова, А. С. Сухорукова,

А. Н. Цамутали, А. Н. Чистиков. Их имена и работы на слуху и известны далеко не только специалистам. Как главный редактор «Истории Петербурга» я горжусь тем, что трое из авторов и членов редколлегии — Р. Ш. Ганелин, В. Н. Плешков и А. Н. Чистиков — члены редколлегии нашего журнала, а Е. В. Анисимов, А. З. Ваксер, А. Р. Дзенiskeвич, В. А. Шишкин и опять же В. Н. Плешков и А. Н. Чистиков — постоянные авторы «Истории Петербурга». Воистину «узок круг...», но это, правда, говорилось совсем по другому поводу.

Радует то, что каждый член авторского коллектива, что называется, «на своем месте». Взять хотя бы Е. В. Анисимова, автора всех шести глав первой части исследования. Им написано более 160 из 760 страниц книги. По существу — монография в монографии!

Признаюсь, будучи хорошо знакомым с публикациями Евгения Викторовича, я вначале предположил, что в этом труде он во многом «выезжает на старом багаже». Но прочитав написанные им главы, удивился и обрадовался: использовано много новых фактов, идей; появились интереснейшие гипотезы, а некоторые старые доказательно отвергнуты. Например, только во второй главе в научный оборот введены сведения более чем из ста архивных документов, и это при том, что автор не упустил из вида уже опубликованные работы видных историков, археологов. Конечно, по ходу чтения у меня возникло неприятие трактовки каких-то событий или суждений, но это — нормально. По-другому, пожалуй, и быть-то не должно.

Показалось странным, что среди авторов первой части не оказалось Ю. Беспятых, хотя десятка два, а то и больше ссылок на его публикации есть. Но в каждом авторском коллективе — свое закулисье, и лезть в него, как в чужие семейные дела, негоже.

Стержневую роль в подготовке второй части книги сыграл, на мой взгляд, А. Н. Цамутали. Хотя, конечно, опыт и надежность блестящего профессионала В. А. Нардовой, как, вероятно, и старания А. С. Сухорукова имели в подготовке второй части существенное значение. Изучение и описание исторических событий XIX века имеет свои, только этому периоду свойственные, особенности. В отличие от XVIII тот век оказался более информационно насыщенным, что часто не облегчает, а наоборот, осложняет исследование. Смещение акцентов в угоду кому-то или чему-то порой куда коварней обычного отсутствия информации. А история XIX века, в том числе Петербурга, была богата на полутона и недоговорки.

Представляется, что авторы второй части поступили мудро, используя в качестве источников во многом мемуары людей часто взаимоисключающих взглядов и убеждений. Созданная на этой основе историческая диффузия убеждений, мироощущений, поступков очень достоверно отразила динамичный XIX век. Правда, бросилось в глаза, что Петербург XIX века в изложении авторов оказался очень уж невоенный, тогда как был он и военной столицей. Петербург XIX столетия без шпор, гвардейцев и клинков, пронизывавших, пропитывавших его дух и быт, — это не совсем тот Петербург. И еще. Во второй части очень скромно представлены архивные сведения — дай бог, чтобы набралось ссылок пятнадцать такого рода. Они — не самоцель, а свидетельство новизны подаваемого читателю материала.

Думаю, что все же самой сложной была работа над третьим разделом, посвященным событиям XX века. Петербург минувшего столетия столько пережил, что не то что описать это, а даже чтобы осмыслить, потребуются долгие годы. Одно то, что

* Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. 760 с. 2000 экз.

замахнулись написать об этой истории, — уже научный подвиг!

Я с интересом изучал расстановку авторских сил, участвовавших в написании третьей части монографии. Почему-то возникали аналогии с действиями военачальника, выдвигавшего на передовые рубежи свои отборные и проверенные в боях соединения. Представляется, что главным идеологом этого раздела был Р. Ш. Ганелин. Чувствуется, как говорится, рука мастера. Причем ощущается это в неприметных, на первый взгляд, деталях. Например, с ювелирной точностью сформулированы названия глав. И дело не только в словах, но и во многих важных штрихах. В частности, в выверенности периодизации столетия. Признаюсь, более удачной мне встречать не приходилось. Тут что ни фраза — кладезь мудрости и исследовательского опыта: все очень выверенно, академично, корректно и наряду с этим — по-научному смело. Взять, к примеру, названия восьмой и девятой глав: «В годы “оттепели” и реформаторских попыток (1950-е — начало 1980-х гг.)» и «В годы перемен (1982—1991 гг.)». Вроде бы все просто, но ведь в этом-то и проявляется талант ученого. Никаких словесных нагромождений. А как мастерски соединены в единый слыв очень разные, но исторически неразделимые этапы истории?! Да только тем, что авторы включили в единую главу события 1982—1991, а не ставший стереотипным период 1985—1991, уже стоит восхититься — высший пилотаж.

В третьей части работы чувствуется общий дирижер. Быть может, это заслуга не только Р. Ш. Ганелина, но и ответственного редактора В. М. Ковальчука. Даже скорее всего так. Но это тот счастливый случай, когда дирижер управляет виртуозами. Все без исключения главы написаны на высоком научном уровне. При этом ни один из авторов не потерял свою самостоятельность, свойственный лишь ему стиль, аргументацию, язык.

Как всегда наслаждался, читая седьмую и восьмую главы, написанные А. З. Ваксером. С почтением вечного ученика прослеживал блестящие рассуждения А. П. Купайгородской, В. М. Ковальчука, А. Р. Дзенискевича. С пристрастием — моя давняя «родная» проблематика — вчитывался в строки, написанные А. Н. Чистиковым.

Признаюсь, с замиранием сердца читал две последние главы, написанные Е. М. Балашовым, поскольку

ку посвящены они самому последнему периоду истории Ленинграда—Петербурга. Не все ложилось на душу, но даже то, с чем не соглашался или в чем сомневался, воспринималось как очень талантливая, прочно «сшитая» работа.

Но вопросов возникало немало. Так, зная А. Р. Дзенискевича как очень крупного специалиста по истории блокады Ленинграда, сожалел, что он не участвовал совместно с В. М. Ковальчуком в написании шестой главы «Великая Отечественная война. Блокада». Конечно, В. М. Ковальчук — известный историк блокады, но ряд моментов, в частности, медицинские аспекты проблемы, Андрей Ростиславович первым среди ученых поднял на должную высоту, и то обстоятельство, что его научные достижения не нашли отражения в главе о блокаде, ее не усиливает. Не хочу покушаться на святое, но замечу, что глава о блокаде Ленинграда — ярчайшей странице жизни города — занимает почти десятую часть всей книги, что вносит некоторую диспропорцию в общий контекст освещения истории города. В то же время некоторые фразы не очень четко отражают суть происшедших событий. Например, человеку несведущему в истории защиты Ленинграда от фашистов, непросито будет понять истинный смысл фразы: «К исходу 11 сентября был занят Дудергоф, а 12 сентября оставлено Красное Село» (с. 542). О чем идет речь, понятно только подготовленному читателю.

Монографии такого уровня и масштаба не обходятся без обобщения результатов труда предшественников-исследователей, работавших в прежние годы. Эта книга — не исключение, но в ней есть досадные прорехи. Так, можно по-разному относиться к работам академика И. И. Минца, можно даже ставить под сомнение его авторство, но игнорировать его трехтомник об Октябрьской революции, основательный том о событиях 1918 года вряд ли стоит. Кстати, в третьей главе третьей части книги нет ни слова о достижениях самого крупного знатока истории Петербурга в 1918 году — М. О. Малышева. А ведь он в начале 1980-х годов на истфаке ЛГУ прекрасно защитил докторскую диссертацию. Я был на той защите еще аспирантом, и она произвела на меня большое впечатление. Да и сам Миленций Олегович — историческая личность: разведчик, воевавший в фашистском тылу под Ленинградом. За-

быты в главе и другие имена. Например, Ю. С. Кулышев. А ведь он всего 20—30 лет назад был одним из лучших знатоков истории Гражданской войны у стен Петрограда.

А. Н. Чистиков не раз ссылаясь в своей главе на книгу А. С. Пухова «Петроград не сдавать!». Это справедливо, но ведь у этого автора была и вполне достойная книга о морях-балтийцах, защищавших этот город. Но морская тематика как-то не очень привлекала Александра Николаевича. Думаю, что полторы страницы, отведенные в книге изложению событий советско-финляндской войны (с. 530—531), вряд ли достаточно, чтобы показать роль Ленинграда в тех боевых событиях. Огорчают ссылки на работы Н. И. Барышникова и В. Н. Барышникова, опубликованные 18 лет назад. Книга-то хорошая и даже очень, но после этого отец и сын Барышниковы столько нового написали по этой проблеме. Только предпоследняя монография Н. И. Барышникова «Блокада и Финляндия. 1941—1944» (СПб.; Хельсинки, 2002) чего стоит! Правда, вышла она из печати лишь в начале этого года, так что «срагировать» на нее было сложно.

Но поводов для радости несоизмеримо больше, когда читаешь эту книгу. Как колоритно, например, описана атмосфера Петербурга в 1914 году, в первые месяцы войны. Зрелищная жизнь города описана тонко и с глубоким проникновением в суть происшедших событий (с. 368—375).

К сожалению, в книге встречаются и огрехи технического характера, и, как говорится, есть резервы для совершенства. Крайне скромно использовалась зарубежная историография Петербурга. Но ведь об истории города иностранными исследователями написаны сотни книг, тысячи статей. В них — далеко не всегда пересказ работ российских авторов, а часто — новые идеи, совершенно неизвестные зарубежные источники.

В книге есть подробный именной указатель, но он страдает неточностями. Например, в нем указан Д. Аль (с. 733), но нет уточнения в скобках, что это — Даниил Натанович Альшиц — не только драматург, но и очень известный петербургский историк — доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки России и, кстати, автор любопытной книги об истории Петербурга, вышедшей из печати в 2002 году и не упомянутой в этом издании.

Монографии, как изданию академическому, явно недостает списка литературы и источников. Будь он в книге, она бы стала еще и очень ценным справочным изданием.

Огорчает подготовка сносок в тексте. Кое-где имя автора указано впереди фамилии (с. 502) и множество случаев, когда сноски на странице начинаются со слов «там же», что недопустимо.

Особого разговора заслуживают иллюстрации. Многие из них кочуют

из книги в книгу, особенно в юбилейном году. Но есть, к счастью, немало и таких, которые мне прежде не встречались. Однако очень многие иллюстрации не атрибутированы, что мешает в работе с текстом. Да и сами иллюстрации, сделанные в виде вставок «пакетами» в текст, не пронумерованы, что при необходимости затруднит их поиск и ссылку на них при появлении такой необходимости.

Опечалило и то, как даны сведения об авторах книги — только уче-

ные степени. Но ведь многие имеют и ученые звания, которые почему-то не упомянуты. Не сказано и что А. З. Ваксер — заслуженный деятель науки РФ.

Но авторы такого труда по сути уже стали заслуженными, даже очень заслуженными деятелями науки!

Убежден, монография «Санкт-Петербург: 300 лет истории» — это самая значительная из книг о его прошлом, написанных за три столетия существования города.

Капитальный труд петербургских архивистов

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПУТЕВОДИТЕЛЬ:
В 2 т. / Сост.: Н. И. ДЕРИНГ (ОТВ. СОСТАВИТЕЛЬ), М. Г. ЕРШОВА,
Т. А. ЗЕРНОВА, Ж. В. ФРИДМАН, Н. Ю. ЧЕРЕПЕНИНА, Т. Я. ЯСКЕЛЯЙНЕН;
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. И. ДЕРИНГ, Т. С. КОНЮХОВА, О. Ю. НЕЖДАНОВА,
Н. Ю. ЧЕРЕПЕНИНА. М.: Звенья, 2002. Т.1. 855 с.; Т. 2. 871 с.

Г. Л. Соболев

Два года назад написав для «Истории Петербурга» рецензию на вышедший тогда путеводитель по Центральному государственному архиву историко-политических документов Санкт-Петербурга, я предложил редакции ввести в журнале рубрику «Путеводители по Петербургу». Однако осторожная редакция посчитала это преждевременным, полагая, что эта рубрика может не получить продолжения. И вот теперь я торжествую: в серии «Архивы России» опубликован новый фундаментальный путеводитель по Центральному государственному архиву Санкт-Петербурга, богатейшие фонды которого ныне тщательно описаны профессионалами-архивистами и выставлены таким образом на широкое использование исследователями. Последним еще предстоит по достоинству оценить титанический труд своих коллег-архивистов, досконально изучивших за многие годы тысячи фондов и создавших свой «Архивный фонд» и научно-справочный аппарат: описи, каталоги по истории учреждений, систематический, географический и именной каталоги, указатели, справочные картотеки по личному составу. Справедливо отмечая, что настоящий путеводитель является самым полным

справочником о составе и содержании всех фондов ЦГА Санкт-Петербурга, находящихся на открытом хранении по состоянию на 1 января 2001 года, вероятно, следовало бы подчеркнуть, что это результат работы не одного поколения сотрудников архива, образованного в 1936 году как Архив Октябрьской революции. В разное время в нем трудились талантливые архивисты, ставшие впоследствии видными историками, — Ю. С. Токарев, В. И. Старцев, О. И. Шкаратан, В. А. Зубков, Б. Д. Гальперина, Н. Б. Лебедева, А. С. Дубин и другие. Прежде чем стать опытными публикаторами документов, они прошли все этапы архивной работы и много сделали для того, чтобы Ленинградский архив Октябрьской революции стал одним из ведущих в стране.

В обширном предисловии прослежен сложный и тернистый путь, который прошел архив в прошлом веке к своему новому названию — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Как известно, с 1938 года архивы страны были переданы в ведение НКВД, в связи с чем деятельность Ленинградского архива Октябрьской революции претерпела существенные изменения: главное внимание стало

уделяться выявлению и использованию документов, представляющих «оперативно-чекистский» интерес. В ходе почти двадцатилетней работы такого характера были собраны обширные справочные материалы о лицах, лишенных избирательных прав, гражданах, оказавшихся на оккупированной территории, и так далее. Одновременно развернулась работа по засекречиванию документов: в дополнение к материалам секретного отдела, созданного на базе ликвидированного Секретного архива, из научного использования в Ленинградском архиве Октябрьской революции было изъято 84 фонда, в том числе и фонд Петроградского Совета. С конца 1980-х годов архив приступил к массовому рассекречиванию своих документов, были сняты, если верить составителям, все грифы «ограниченного доступа», установленные фондообразователями, создана межведомственная комиссия для изучения материалов спецхрана. За десять лет (до 1997 года) на общее хранение были переданы документы около 800 фондов, в том числе документы секретных отделов областного, городского, районных исполкомов, комиссий по лишению избирательных прав, Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюци-